

Хвастун у Н.В. Гоголя и У. Шекспира (Хлестаков и Фальстаф)

Евдокимов Андрей Андреевич

Аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

Образы двух известных хвастунов – Хлестакова («Ревизор») и Фальстафа (две части хроники «Генрих IV») связаны с карнавальным началом, играющим значительную роль в поэтике Гоголя и Шекспира. Карнавальность у Гоголя и Шекспира неоднократно становилась предметом изучения отечественных и зарубежных ученых, однако сопоставления творчества двух крупнейших драматургов по этому признаку пока не было сделано.

Мотив хвастовства является одним из сюжетообразующих в рассматриваемых произведениях. Без доходящего до абсурда бахвальства не был бы возможен триумф Хлестакова в «Ревизоре» и не сложилась бы шутовская сюжетная линия Фальстафа в «Генрихе IV».

Имена персонажей намекают на их склонность к стремлению казаться не тем, чем они являются в обыденной жизни, что говорит об их связи с карнавальным началом. Фамилия *Хлестаков*, по-видимому, восходит к разговорному глаголу *хлестать* 'лгать', а шекспировское имя *Falstaff* фонетически близко к словосочетанию *false stuff* 'ложное, фальшивое вещество' [Crystal, Crystal: 167, 427].

Ложность и претензия проявляется в карнавальном переворачивании верха и низа с точки зрения социального положения персонажа: мелкий чиновник Хлестаков перевоплощается в государственного ревизора, а дворянин и никудышный вояка Фальстаф играет короля и храброго рыцаря.

Среди сцен хвастовства наиболее яркими и показательными являются обед Хлестакова у Городничего и преувеличенный рассказ Фальстафа о нападении на него незнакомцев в плащах. «Елистратишка» Хлестаков слово за словом преувеличивает свои заслуги на государственной службе: повышает себя от коллежского регистратора до почти фельдмаршала. Ограбленный Фальстаф восхваляет свою храбрость и многократно умножает количество разбойников, с которыми он яростно бился (на самом деле он сбежал при виде всего двоих незнакомцев). В обоих случаях речь идет об автобиографическом рассказе, детали которого подвергаются гиперболизации. Рассказчик стремится возвысить себя в глазах слушателей.

Хлестаков, как и многие гоголевские персонажи, воспринимает ложь как увлекательный творческий процесс. В этом состоянии он уже не может отличить правду от выдумки, искусно сплетая их воедино. Хлестаков хвастается совершенно искренне, поэтому Гоголь наставлял актеров, желавших играть эту роль, чтобы те проявляли как можно больше «чистосердечия и простоты» [Гоголь: 8]. Эта органичность хвастовства также может свидетельствовать о переосмысленных карнавальных истоках образа Хлестакова.

Подтекст поведения шекспировского героя намного сложнее. Фальстаф только играет роль пропойцы, повесы и труса («<...> жить для Фальстафа значит играть, участвовать в спектакле жизни, как в очередном спектакле» [Пинский: 138]). Шекспировский персонаж действует в рамках ренессансной концепции мира как театра. Толстый рыцарь превращается в шута, который под маской говорит правду Хэлу – будущему королю Генриху V. По замечанию Сэмюэла Колриджа, «Фальстаф не был трусом, но лишь притворялся им, чтобы ставить опыты над человеческим легковерием: только поэтому он был лжецом, а не потому что любил обман сам по себе» [Coleridge: XV].

Хвастливая ложь Фальстафа и Хлестакова приобретает гротескно-гиперболические формы, что вполне в карнавальных традициях. Так, речь гоголевского персонажа о посланных за ним 35 тысячах курьеров обнаруживает сходство с рассказом Фальстафа о том, как он загнал 180 почтовых лошадей по дороге в действующую армию.

Из-за страха перед ревизором совершенно невероятная цифра Хлестакова принимается на веру (только Городничий, кажется, усомнился в некоторых подробностях), а преувеличение Фальстафа остается незамеченным. Интересно, как при взаимодействии авторской речи и речи персонажа выражается позиция драматурга: на пике вдохновенной лжи Хлестаков едва не валится с ног.

При явном сходстве хвастунов и хвастовства у Гоголя и Шекспира художественные задачи этих авторов различны. Их творчество тяготеет к амбивалентному карнавальному смеху, для которого свойственно неразделение субъекта и объекта смеха. Однако амбивалентный смех Гоголя получает иное, аскетическое содержание: в осмеянии персонажей автор «Ревизора» видит борьбу с грехом не только в других, но прежде всего в самом себе. С этой точки зрения образ шекспировского Фальстафа, восходящий к средневековым мираклям [Dover Wilson: 17–20], более традиционен и приближен к карнавальному началу.

Литература

Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 23 т. М., 2003. Т. 4.

Пинский Л.Е. Магистральный сюжет: Ф. Вийон, В. Шекспир, Б. Грасиан, В. Скотт. М., 1989.

Coleridge S.T. Seven Lectures on Shakespeare and Milton. London, 1856.

Crystal D., Crystal B. Shakespeare's Words: A Glossary and Language Companion. London, 2004.

Dover Wilson J. The Fortunes of Falstaff. Cambridge, 1943.